

С.А. Красильников*

ОТ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ К СОЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ НАУКИ: В.Л. СОСКИН –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ОРГАНИЗАТОР, НАСТАВНИК**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-20
УДК 930.85+94(47)

Выходные данные для цитирования:
Красильников С.А. От общей истории культуры к социальной истории науки:
В.Л. Соскин – исследователь, организатор, наставник // Исторический курьер.
2025. № 1 (39). С. 302–323. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-20.pdf>

S.A. Krasilnikov*

FROM THE GENERAL HISTORY OF CULTURE
TO THE SOCIAL HISTORY OF SCIENCE: V.L. SOSKIN –
RESEARCHER, ORGANIZER, MENTOR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-20

How to cite:
Krasilnikov S.A. From the General History of Culture to the Social History of Science:
V.L. Soskin – Researcher, Organizer, Mentor // Historical Courier, 2025, No. 1 (39),
pp. 302–323. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-20.pdf>]

Abstract. In the subject field of Russian historical and cultural research in the second half of the twentieth century, two approaches to the consideration of the phenomenon of culture have developed. The first of them (internalist) focused on the study of internal trends for each of its industries. The second focused on the study of the influence of external, externalist factors of a political and ideological nature on cultural dynamics. The search for a balance between them determined the trajectory of the professional activity of one of the country's leading researchers in this field, Varlen Lvovich Soskin. His transition from the general problems of the history of Soviet culture and intelligentsia to the development of an approach and tools for such a subdiscipline as social history took place most actively in the 1980s and was carried out primarily in the field of research on the history of science. The publication analyzes the conditions and factors that shaped V.L. Soskin as the leader of this scientific field in Siberia, who created a dynamically developing team of students who worked since the second half of the 1980s in an interdisciplinary field with the participation of social philosophers, sociologists, and scientists. Along with exploratory research in this area, he initiated a number of applied (chronicle and biographical) projects related to the history of the Siberian Branch of the Academy of Sciences. The accumulated experience allowed him to return to a new monographic level of understanding the social history of Russian culture of the first post-revolutionary decade. Conceptually, he designated the subject of its study as the definition of the place and role of cultural processes in public life in interaction with government institutions.

Keywords: culture, intelligentsia, general theory and history, early Soviet era, V.L. Soskin, social history of science, social institute of Science.

* **Сергей Александрович Красильников**, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: krass49@gmail.com

Sergey Aleksandrovich Krasilnikov, Doctor of Historical Science, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: krass49@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

The article has been received by the editor on 26.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В предметном поле отечественных историко-культурных исследований во второй половине XX в. сложились два подхода в рассмотрении феномена культуры: первый из них (интерналистский) акцентировал внимание на изучении внутренних тенденций для каждой из ее отраслей, второй концентрировался на исследовании влияния на культурную динамику внешних, экстерналистских факторов политико-идеологического характера. Поиск баланса между ними определил траекторию профессиональной деятельности одного из ведущих в стране исследователей в данной сфере Варлена Львовича Соскина. Его переход от общих проблем истории советской культуры и интеллигенции к разработке подхода и инструментария такой субдисциплины, как социальная история, наиболее активно происходил в 1980-е гг. и осуществлялся прежде всего в области исследования истории науки. В публикации анализируются условия и факторы, сформировавшие В.Л. Соскина как лидера данного научного направления в Сибири, создавшего динамично развивавшийся коллектив учеников, работавших со второй половины 1980-х гг. в междисциплинарном поле с участием социальных философов, социологов, науковедов. Наряду с поисковыми исследованиями в указанной области он инициировал ряд проектов прикладного (хроникального и биографического) характера, связанных с историей Сибирского отделения Академии наук. Накопленный опыт позволил ему затем вернуться на новый монографический уровень осмысления социальной истории отечественной культуры первого постреволюционного десятилетия. Концептуально предмет ее изучения он обозначил как определение места и роль культурных процессов в общественной жизни при взаимодействии с институтами власти.

Ключевые слова: культура, интеллигенция, общая теория и история, раннесоветская эпоха, В.Л. Соскин, социальная история науки, социальный институт науки.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024 г.

Обширная литература, посвященная жизни и творчеству Варлена Львовича, служит очевидным признанием его места и роли в профессиональном сообществе отечественных культурологов¹. Цель настоящей публикации состоит в необходимости отразить динамику его профессиональной деятельности как непрерывной поисковой работы по осмыслению феномена отечественной культуры раннесоветского периода с опорой как на его произведения без малого полувекового периода, так и на его собственные оценки сделанного в ряде воспоминаний.

Траектория профессиональной деятельности историка складывается чаще всего либо как однонаправленная, либо как «веерная», когда и если автор выходит из своей начально

¹ См., напр.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Современный историк в состоянии поиска (к творческому портрету В.Л. Соскина) // Гуманитарное знание: Ежегодник ОмГПУ. Сер.: Преемственность. Омск, 1999. Вып. 3. С. 315–325; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Корзун В.П. К 75-летию В.Л. Соскина // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 93–97; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция Мастера // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 12–28; Главацкий М.Е., Кондрашева М.И. К характеристике сибирской научной школы в области истории культуры и интеллигенции // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 214–218; Хлыстов Е.А. Проблемы революции и интеллигенции в научном творчестве проф. В.Л. Соскина // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке... С. 218–221; Матвеев Г.А. Памятное (к 85-летию В. Л. Соскина) // Личность. Культура. Общество... С. 3–11; и др.

избранной и разрабатываемой предметной области и расширяет свои интересы на связанные с ней проблемы. У Варлена Львовича задача самоопределения изначально стояла иначе: он видел себя как историк, изучавший сферу культуры и интеллигенции раннесоветской эпохи, наступившей после революционных событий 1917 г., позднее распространив свои интересы на всю советскую эпоху, приняв как непререкаемый участник всесоюзных обсуждений и дискуссий историков и философов вокруг базового в 1960–1970-е гг. понятия «культурная революция».

При оперировании столь широкими понятиями естественно возникало требование к историку определиться в том, каким образом структурировать предмет историко-культурного исследования. Поэтому если обратиться к первой крупной работе монографического плана 1965 г., посвященной культурным событиям, протекавшим на территории Сибири в годы революции и гражданской войны², В.Л. Соскин должен был решить принципиальный вопрос – как связать происходящие в период 1917–1920 гг. разнонаправленные процессы в контексте становления и борьбы большевистской и антибольшевистской типов государственности. Скорее всего, историк пусть и интуитивно, но выбрал разумный путь, хотя и вошел в противоречие с тогда классическим каноном о том, что культура обязательно носит ярко выраженную классовую природу (прогрессивную, революционную и реакционную, регрессивную применительно к антибольшевистским режимам периода гражданской войны). В данной работе В.Л. Соскин показал, что в культурной политике антагонистических режимов шла действительно борьба, однако сами по себе культурные процессы происходили, несмотря на экстремальные условия, в силу их объективной обусловленности, и культура существует при любых режимах. Иначе говоря, культурная жизнь той или иной эпохи, будучи наиболее обобщенным понятием, вбирала в себя все многообразие событий в данной сфере.

В своих позднейших воспоминаниях 2017 г. о реакции партийных инстанций на указанную монографию Варлен Львович отметил: «Я написал эту книгу. Это книга должна была издаваться Сибирским [делением] издательством. И вот здесь я впервые столкнулся с партийным руководством на уровне обкома партии. Дело в том, что цензура в то время существовала. Существовал так называемый ЛИТО – специальная организация при обкомполкомах и горисполкомах, которая проверяет политическую литературу. И вот моя книга, будучи еще неизданной (ну как полуфабрикат), попала в это самое ЛИТО. И ЛИТО доложило обкому партии, что эта книжка является “непартийной”. Автор ее – Соскин. Член партии, участник войны. Тем не менее написал книжку. Такую, которую не стоило писать. И вот тогда меня попросил к себе в обком [секретарь] Алфёров Михаил Семенович. Мы с ним встречались. Он говорит: “Как же вы написали такую книгу?!”. Я говорю: “Что же я такого написал?”. “Вы же написали о том, что при Колчаке (!) была культура. Какая могла быть культура при Колчаке? При Колчаке могла быть антикультура!”. Я говорю: “Все это культура. Только эта культура имеет различные политические стороны”. Во-первых, существовала культура самая обыденная: школы работали, вузы работали, физики учили, математики учили. Колчак же даже не всех профессоров математики призвал в свою армию. Но вместе с тем были, конечно, и писатели, которые писали антисоветские вещи: Вяткин был такой писатель, довольно известный, популярный. Были другие писатели. Я обо всем об этом написал. Написал еще о том, что здесь, в Сибири, действовал так называемый ХСМЛ – Христианский Союз Молодых Людей, американская организация. “Вот видите, – говорит Алфёров. – А чему они учили?”. “Они просвещали людей. Ну и давали понять, что надо, конечно, создавать такую систему, которая близка к Америке. Я об этом написал”. “Так разве можно об этом писать? Это была антикультура!”. Спор наш продолжался довольно большое время. И он никаким образом не хотел понимать то, что я ему толкую. Дело в том, что я к этому времени уже был культуроведом и понимал, о чем я говорю. Когда вернулся в издательство, которое находилось [в Новосибирске] на Совет-

² Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965.

ской, 20, был Кузнецов, редактор моей книжки. Он сказал, грубо говоря... Не буду выражаться, как он выражался. Он сказал: “Будем печатать!”. “А что Вам будет за это?”. “А что бы ни было! Я с Вами полностью согласен”. И он издал эту книгу!»³.

Безусловно, что с позиций современного исторического знания практически в любой профессиональной работе историков, посвященной истории советской эпохи, обнаруживается громадное воздействие идеолого-политической фразеологии, штампов и стереотипных оборотов, влиявших на отбор и интерпретацию эмпирики. И это применимо к вышеупомянутой монографии Варлена Львовича. Будет обнаружена и очевидная заданность, следование сложившейся парадигме. В то же время деятельность части историков в шестидесятые годы и объективно, и субъективно направлялась на критику и отход от наиболее одиозных подходов прежней, сталинской эпохи, и даже достаточно «робкие» с современных нам позиций шаги в данном направлении являлись важными и нужными с точки зрения создания «точек роста» для дальнейших движений по отходу от прежних идеологем, пропитывавших исторические знания.

В.Л. Соскин справедливо относил себя к группе тех, кто осуществлял такого рода «расчистку» сферы историко-культурных исследований. Следующая его монография, посвященная культурной жизни Сибири в первые годы нэпа⁴, стала не только хронологическим продолжением ранее проведенного исследования, завершено освещением событий в сфере культуры после второго и окончательного прихода новой большевистской власти в регион в 1921 г., но и осмыслением процессов того, с каким грузом проблем и противоречий сталкивалась власть в своей культурной политике. Придерживаясь определенных канонов, стержнем своего исследования историк отражал прежде всего культурную политику большевиков в Сибири в контексте общей политики власти в стране. При этом именно пойдя по такому, казалось бы, проторенному пути, автору удалось избежать основного стереотипа, унаследованного от сталинского периода, когда действия политического руководства являлись этапами последовательного утверждения «командных высот» в осуществлении строительства культуры нового типа. В.Л. Соскин опирался на ныне уже бесспорное положение о том, что экстремальная обстановка эпохи войн и революций после его завершения породила громадные потери культурного потенциала страны, чем и были вызваны кризисные явления в сфере культуры. За внешней оболочкой «финансового кризиса», обрушившего ранее созданную гигантскую платформу для проводимой политики агитационной и идеолого-просветительной работы, в обслуживание которой были втянуты практически все культурные институты, историк фактически показал глубоко деформирующее воздействие эпохи «военного коммунизма» на культурную жизнь. Кризисные явления носили более глубокий и системный характер, где проблема состояла, как и во всех других областях социальной деятельности, в том, чтобы в ходе восстановления культурного потенциала страны найти баланс между унаследованными от прошлой позднеимперской эпохи культурными традициями и культурными новациями революционной эпохи. За ресурсным кризисом стоял кризис самой идеи выстроить новый тип культуры в качестве антипода прежней. В своей завершающей итоговой работе, написанной три десятилетия спустя⁵, автор упомянул о роли финансового кризиса в сфере культуры первых лет нэпа как о крайне важном факторе, затруднившим восстановительные процессы в данной сфере, однако далее он очень четко акцентировал внимание на том, что сам ход культурной жизни в дальнейшем все более определялся идеей «культурной революции», уничтожавшей альтернативу для развития подлинно демократической культуры⁶.

Опять-таки, не впадая в идеализацию взглядов В.Л. Соскина на протяжении всего творческого пути как опережавшего в этом своих современников коллег-культурологов, отметим,

³ См.: «Я ведь мог быть кем-то другим»: из бесед с почетным профессором НГУ Варленом Львовичем Соскиным (февраль – апрель 2017 г.) // ГУМФАКия 60–70-х годов XX века: воспоминания учителей и выпускников. Новосибирск, 2022. С. 49–50.

⁴ Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1971.

⁵ Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

⁶ Там же. С. 104–105.

что ему было присуще острое ощущение тех ограничений канонов, которые существовали в советской историографии. Он искал сам и солидаризировался с теми из историков, кто находил новые подходы и трактовки, позволявшие расшатывать догматику. Именно так В.Л. Соскин относился к новаторским для своего времени работам С.А. Федюкина в области истории отечественной интеллигенции раннесоветской эпохи, сфокусированной вокруг проблематики «интеллигенция и революция». С.А. Федюкин оказался одним из тех историков-шестидесятников, кто формировал новые подходы в различных предметных областях в противовес застывшим историографическим канонам 1930-х гг. Он предложил новую исследовательскую модель рассмотрения динамики социально-политической дифференциации отечественной интеллигенции во время и после революций 1917 г. и гражданской войны. Она состояла в том, что если ранее историки проводили водоразделы между группами интеллигенции исходя из базового признака в виде наличного социального статуса («верхи» – контрреволюционеры, «низы» – сторонники, опора большевизма, а средние, «мелкобуржуазные» слои – колеблющиеся между двумя указанными полюсами), то С.А. Федюкин усложнил анализ, доказав, что дифференциация проходила не только между группами по социальному статусу, но и в значительной степени внутри каждой из выделенных статусных общностей. Выражаясь в более современной терминологии, исследователь обосновал важнейшую роль и значение такого внутреннего фактора при размежевании специалистов, как профессиональная, корпоративная этика (врач, учитель, инженер, адвокат и другие придерживались выполнения своих профессиональных функций в любых экстремальных условиях)⁷. В последующей своей монографии⁸ он значительно укрепил данный центральный тезис и сделал в ней акцент на обоснование того, что целеполаганием государственной политики большевиков в отношении унаследованной интеллигенции являлось не «использование», а *вовлечение* последней в созидание нового послереволюционного общества.

В.Л. Соскин не только солидаризировался с данным подходом, но и спроецировал его на региональный сибирский материал, выпустив в 1973 г. работу, где, конкретизируя идеи С.А. Федюкина⁹, он развивал тезис о том, что для профессиональных групп интеллигенции оказывалось принципиально важным установление взаимоотношений с новой властью в форме определенного нейтралитета в политической области при сохранении ими своих профессиональных функций в обществе. Безусловно, в своем исследовании автор исходил отчасти еще из привычной парадигмы, следуя которой, в политической борьбе промежуточных позиций быть не должно, закавычивая термины «нейтрализм», «аполитичность»¹⁰. Однако он полагал, что данная позиция значительной части интеллигенции, проявленная последней в годы революции и гражданской войны, являлась важной коммуникацией между нею и большевистской властью и на более длительный период времени. Фактически он одним из первых среди исследователей интеллигенции раннесоветского периода обозначил линию изучения поведенческой практики, известной в социологии как конформизм, не наделяя данный феномен негативной коннотацией. В последующую эпоху дискуссий конца 1990-х гг. вокруг оценок конформизма отечественной интеллигенции как определенной ценности, своего рода самозащитной реакции на внешние радикальные экспансии со стороны власти с целью политизации ее профессиональной деятельности, В.Л. Соскин достаточно последовательно отстаивал данную позицию и для периода времен «Великого Перелома»¹¹.

Следует отметить, что в советской историографии область изучения истории отечественной интеллигенции переживала стадию своего оформления фактически лишь

⁷ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

⁸ Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972.

⁹ Соскин В.Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Соскин В.Л. Конформизм интеллигенции: вина, беда или необходимость? // Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: мат-лы круглого стола. Екатеринбург, 1999. С. 28.

с середины 1960-х гг., постепенно выделяясь из общекультурной проблематики. Отмеченные выше работы С.А. Федюкина дали определенный толчок к формированию этого направления, который нуждался в закреплении. Тем более важно, что к осмыслению феномена интеллигенции в советскую эпоху ее функциям, роли в обществе проявлялся интерес и со стороны социальных наук, философии, социологии. И в данной ситуации Варлен Львович решился на достаточно рискованный, но оправдавший себя шаг. Используя свой авторитет историка культуры и интеллигенции в московских кругах обществоведов (поскольку в дискуссиях вокруг феномена советской культуры принимали участие представители разных дисциплин), он выдвинул идею аналогичного междисциплинарного мероприятия по проблематике интеллигенции с проведением его в новосибирском Академгородке, естественно согласовав данную инициативу с директором Института академиком А.П. Окладниковым. Подготовительная организационная работа заняла период около года, потребовав кооперации самых различных организаций и учреждений. Достаточно сказать, что, помимо традиционного для любого научного мероприятия, связанного с оповещением специалистов, формированием программы, выбором основных докладчиков для пленарного заседания, разбивкой участников по секциям и т.д., силами библиографов было осуществлено справочное издание, включившее в себя более двух тысяч работ, опубликованных по проблемам советской интеллигенции за период с 1977 по 1978 г. Кроме того, для более плодотворного обсуждения в ходе самой конференции были созданы, предварительно изданы и разосланы участникам тезисы их выступлений в 12 выпусках (учитывая, что число участников достигло более 300 чел). Естественно, что центральной фигурой организатора выступал Варлен Львович, хотя Оргкомитет по сложившейся традиции возглавлял А.П. Окладников.

Сама конференция под вполне привычным для того времени названием «Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма» проходила в июне 1979 г. в заданном организаторами формате, где ведущим среди историков докладчиком выступил С.А. Федюкин. Он достаточно остро и полемически заостренно поставил проблему преемственности и разрывов в ходе формирования советской интеллигенции, отметив, что уровень профессиональной подготовки корпоративных групп интеллигенции (инженеры, медики и др.) в дореволюционный период превосходил молодую генерацию специалистов, форсированно готовившихся в вузах, особенно в годы первых пятилеток. В то же время в ходе работы конференции возникло и проявилось своего рода концептуальное противостояние двух направлений в понимании перспектив развития социальной структуры общества: философское направление, персонифицированное Ц.А. Степаняном, известным сторонником дисциплины «Научный коммунизм», отстаивало и обосновывало идеологему о том, что общество движется в своем пути к социальной однородности; ему оппонировали социологи в лице В.И. Староверова, доказывавшего, что основным вектором социоструктурной динамики советского общества является его дифференциация и социальное разнообразие.

Для историков, участников конференции, данное концептуальное противостояние стало толчком для переосмысления собственной базовой парадигмы истории формирования интеллигенции, прежде всего применительно к раннесоветской, довоенной эпохе, когда априорным считалось, что в интеллигенции дифференциация и различия внутри нее между поколениями «старой» и «новой» генерациями преодолевались и формировалась единая и в данном смысле однородная по своему характеру и ценностям советская интеллигенция. Для Варлена Львовича состоявшийся опыт междисциплинарного взаимодействия в данной области дал вполне конкретный импульс для нахождения новых коммуникаций, позволявших внести новые пути в изучении историко-культурной тематики. Так возникла идея организации междисциплинарного диалога вокруг феномена культуры на основе системного метода.

Очевидно, что данная идея по месту и времени вызрела неслучайно. Именно в начале 1980-х гг. весь комплекс социально-гуманитарных дисциплин испытывал кризис господствовавшей системы директивности в подходах, методах и инструментарии работы обществоведов. И основными «поисковиками» в поисках выхода из сложившейся ситуации стали

социальные философы и социологи. Для первых из них предметным полем деятельности выступала проблематика адаптации принципов системного подхода, признаваемого к тому времени общенаучным подходом (и потому не вызывавшего у ортодоксов-обществоведов опасений о покушении на основы марксизма). Вторые активно осваивали в рамках теоретической социологии тот же подход, но на основе структурно-функционального метода, позволявшего изучать и анализировать социальные системы различных уровней и степеней сложности (Т. Парсонс, Р.К. Мертон и др.).

В.Л. Соскин, понимавший остро положение вещей, стал фактическим инициатором проведения в Новосибирске в мае 1983 г. первого специализированного семинара под названием «Изучение истории культуры как системы»¹², пригласив к участию в нем ряд социальных философов и теоретиков культуры. Результатом обмена мнений через относительно короткое время появился пионерный в своем роде сборник статей¹³, где впервые на одной площадке выступили с полноценными статьями философы и историки культуры, объединенные замыслом показать приложение теоретических инструментов теории социальных систем к истории советской культуры. Соответственно, в первой части сборника помещались статьи признанных в то время теоретиков культуры (М.С. Кагана, Л.Н. Когана, Л.Е. Кертмана и др.), а вторую часть сборника составили статьи историков культуры, учеников В.Л. Соскина, в основном молодого поколения (Е.Г. Водичева, О.Б. Куприяновой, Н.П. Коробковой и др.).

Особая роль в данном издании принадлежала самому В.Л. Соскину, который в своей статье «Системный подход в изучении советской науки как социального института»¹⁴ фактически нашел ту необходимую историкам «точку роста», могущую позволить соединить высокий теоретический уровень с конкретно-историческими исследованиями, выбрав для этого достаточно разработанную социологами модель изучения науки как социального института. С позиций современного знания речь шла об этом институциональном подходе как о приложении теории среднего уровня. В основу подхода применительно к науке В.Л. Соскин предложил использовать фактически структурно-функциональный инструментарий, в рамках которого наука рассматривается как система учреждений, обладающих «особой организационной структурой, обеспечивающей устойчивость и относительную обособленность научной деятельности; субъектов научного производства (кадров науки); средств научной деятельности – материальной базы, информационного обеспечения, необходимого научного задела». Особое ключевое место в данной модели уделено деятельности по управлению, обеспечению и контролю для достижения целенаправленного развития наукой. В.Л. Соскин справедливо отмечал, что историки науки применяют в работе все перечисленные аспекты, выявляя и формализуя конкретные показатели (сеть учреждений, кадры, ресурсное обеспечение и т.д.), однако не идут дальше констатации количественных показателей, оставляя в стороне качественную их составляющую. Он иллюстрирует это примером, что «расширение сети учреждений, традиционно рассматриваемое как положительное явление, может на деле и не являться таковым». Как установить, все ли элементы социального института науки функционируют эффективно, создавая его устойчивость и целостность, а следовательно, и системный характер? В своей статье ученый скорее размышлял и ставил вопросы, предлагая в качестве одной из гипотез, что главным критерием системности может служить процесс превращения науки в непосредственную производительную силу¹⁵.

В динамике исследований, которая сопровождает все длительно действовавшие коллективы, всегда присутствуют и наступают периоды перехода от одной тематике к другой, хотя прежняя еще завершалась. Выше уже отмечалось, что своего рода кульминационной точкой в разработке проблематики истории интеллигенции сектором под руководством В.Л. Соскина

¹² Изучение истории культуры как системы: сб. науч. тр. Новосибирск, 1983.

¹³ Системный подход в изучении социалистической культуры. Новосибирск, 1985.

¹⁴ Там же. С. 82–88.

¹⁵ Там же. С. 87–88.

стало проведение Всесоюзной конференции в Академгородке летом 1979 г. Несколько ранее, в 1978 г., вышел труд историографической направленности¹⁶, получала свое предметное завершение работа по сбору и публикации воспоминаний участников культурных процессов раннесоветского периода¹⁷.

В то же время вызревала потребность в том, чтобы функционально приступить к освоению нового предметного поля – истории науки. Традиционно сложилось так, что при отраслевом подходе к членению культурной сферы достаточно отделялись как самостоятельные сегменты художественная культура, общее образование и наука и высшая школа. И хотя проблематика научной интеллигенции и кадров высшей школы находилась в поле внимания сектора культуры и до этого времени, но собственно организационному оформлению она подверглась уже во второй половине 1970-х гг. Здесь совпало действие двух факторов: первый состоял в традиционной для исторической науки советской эпохи потребности прагматично отвлекаться на юбилейные даты – в 1974 г. Академия наук отмечала 250-летие своего основания, а в 1977 г. свой 60-летний юбилей отмечала советская государственность. Это послужило возможностью для историков Института подготовить и издать сборник статей, соединив историю академической науки с советским юбилеем¹⁸. В нем, помимо историков Института, включая академика А.П. Окладникова, приняли участие и представители естественных наук, прежде всего геологи. Сборник примечателен тем, что в нем впервые историки Отделения инициировали участие в работе над тематикой истории науки в регионе группы известных ученых, членов Академии (В.А. и Ю.А. Кузнецовы, В.Н. Сакс, А.В. Николаев, Н.А. Чинакал), а также тех, кто осуществлял практическую работу по организации филиалов Академии в восточных регионах страны до создания здесь Сибирского отделения.

Второй фактор вытекал из потребности в научной рефлексии ретроспективного характера самого СО АН, которое в 1982 г. готовилось отметить первую четверть века своего существования. К данному событию историки сектора культуры Института выступили инициаторами создания двухформатного труда в виде хроникального издания, отразив в нем основные события деятельности Отделения, а также краткий справочник персонального состава членов Академии, избранных на вакансии СО АН и работавших в нем¹⁹.

Сам В.Л. Соскин по прошествии нескольких десятков лет так оценивал события, давшие толчок переходу сектора на новую тематику по социальной истории науки после десятилетия достаточно успешной работы по изучению истории советской интеллигенции: «Было ясно, что успехи историков, “окруженных” в Академгородке преобладающей массой специалистов в области естественных наук, во многом зависят от взаимопонимания. Казалось непростительным упустить возможность “внедриться” в сферу науки с помощью своих исторических методов. В беседах с некоторыми руководителями Президиума СО АН, в частности с членом-корреспондентом АН М.Ф. Жуковым, бывшим в то время главным ученым секретарем СО АН СССР, я понял, что такая инициатива будет поддержана. [И в определенный момент] <...> последовал прямой заказ Президиума СО АН: подготовить к 25-летию Отделения специальные труды исторического характера. <...> Крен в сторону науковедения не всем сотрудникам сектора пришелся по душе. И это понятно: обычно историк, вложивший душу в изучение какой-либо проблемы, с трудом перестраивался на другую. Однако сделать это было необходимо исходя из более долгосрочных интересов самих историков. Очень скоро жизнь подтвердила правильность этого прогноза. Проблематика науковедческих исследований сектора определялась нами самостоятельно <...>».

Но как бы вдруг ситуация изменилась: Сибирское отделение должно было отметить свое 25-летие. Тогда-то и обратились к Институту истории, где, естественно, это обращение переадресовали сектору истории культурного строительства. Разработанный нами проект

¹⁶ Историография культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск, 1978.

¹⁷ Школа и учительство Сибири. 20-е – начало 30-х годов: сб. мат-лов. Новосибирск, 1978; Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980.

¹⁸ Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977.

¹⁹ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. Новосибирск, 1982; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав. Новосибирск, 1982.

предусматривал вовлечение в работу всех институтов. Предполагалось создать труд в нескольких томах, который содержал бы достаточно крупные очерки о наиболее значимых работах и результатах. Мы сами, конечно, такие очерки написать не могли, это было под силу только специалистам – математикам, физикам, биологам и др. Материалы из институтов мы получили, но не те, на которые рассчитывали. Как видно, занятые своими конкретными исследованиями коллеги из других институтов не хотели тратить время на «историю». Узкая специализация в данном случае оборачивалась ее (истории) недопониманием. Кстати, и сейчас этот недостаток не преодолен, хотя подвижки имеются. Как пример можно назвать создание музеев, персональных выставок, именных кабинетов в ряде институтов»²⁰.

Процитированная выше саморефлексия от первого лица с оценкой задуманного и исполненного историко-научного проекта примечательна тем, что в нем содержится прежде всего неприукрашенная позиция того, что между идеей и конечным результатом оказался определенный разрыв. В действительности же, как показала практика последующих десятилетий, исследования сотрудников сектора в области наметившейся и получившей продолжение в работах следующего, более молодого поколения социальной истории науки не воспринимались представителями других естественнонаучных дисциплин в Академгородке в понимании как имевшие фундаментальную направленность. Понятнее выстраивался тот или иной заказ к историкам на выполнение конкретных исследований своего рода прикладного значения, носивших юбилейный характер. Об этом свидетельствовала практика, уже продолженная через четверть века, к полувековому юбилею Отделения в 2007 г., когда коллективом историков (при определенном участии в их подготовке сотрудников аппарата Президиума Отделения) были подготовлены очередные два труда²¹.

Для В.Л. Соскина и сотрудников его немногочисленного сектора (к которому были подключены несколько человек из другого сектора Института) фактически это был первый инициированный самими историками выход на руководство Сибирского отделения, безусловно заинтересованного в появлении такого рода исторической ретроспективы пройденного Отделением пути. Поиск оптимальной структуры предусматривал не только выстраивание хронологии научно-организационного порядка, связанного с динамикой становления и развития структуры СО АН, с отражением накопления кадрового потенциала, собственно достижений в различных областях науки (то, что именуется научным заделом), развитием ресурсной базы (материально-технической, финансовой и т.д.), коммуникационных каналов, но и раскрытия роли внешних по отношению к научной деятельности факторов прежде всего политического характера (влияния решений партийно-государственных структур на организацию и деятельность Отделения). Помимо этого, требовалось «оконтурить» хотя бы в общих чертах события внеучебной жизнедеятельности коллективов Отделения.

Историкам предоставлялись необходимые и требуемые для реализации данных задач возможности работы с первоисточниками (фонды научного архива Отделения, текущее делопроизводство Президиума и институтов Отделения, фонды госархива Новосибирской области и др.). Безусловно, что основная проблема заключалась не только в установлении коммуникаций с различными структурами Отделения, но и в необходимости выработки экспертных оценок в выборе тех или иных событий для помещения в «Хронику», где принципиальное значение приобретали оценки научного значения самих работ коллективов и отдельных ученых. Так, выяснялось, что не все значимые факты подлежали установлению точных датировок и не подкреплялись документально, а брались из различного рода докладов и отчетов, т.е. из делопроизводственной документации учреждений, поэтому компромиссом являлось то, что после каждого года с установленными датами событий выделялась рубрика, где отмечались события, не имевшие точной датировки, поскольку имели некоторую протяженность во времени.

²⁰ Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск, 2008. С. 55, 99–100.

²¹ Российская Академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007; Российская Академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007.

С позиций современного знания о процессах становления и последующей трансформации деятельности СО АН в описываемый период (1957–1982) составители «Хроники» по сложившимся условиям отражали безусловные и получившие признание в научной сфере и государственными структурами достижения коллективов и отдельных ученых, не затрагивая «острые углы» и утраты, которыми эти достижения сопровождались. О коллизиях и конфликтах внутри руководства Отделения и в самих научных коллективах, приводивших к отставкам, смене направлений в институтах и т.д., т.е. о непарадных, теневых сторонах событий, естественно, места в издании не нашлось. В то же время необходимо констатировать, что была создана единственно возможная по тем временам скорее официальная, но вполне упорядоченная и получившая подкрепление фактическими материалами «Хроника» Отделения. И в этом, безусловно, важное значение сыграл научно-организационный и исследовательский опыт, которым в полной мере обладал В.Л. Соскин еще со времен создания пятитомной «Истории Сибири», где он выступал в роли ученого секретаря проекта, ответственного за координацию работы и коммуникации внутри большого коллектива историков из разных городов не только Сибири, но и столичных.

Тем самым примерно двухлетний цикл интенсивной деятельности сотрудников сектора культуры над задачей структурирования в изучении новейших процессов в сфере академической науки в регионе создал условия для тематического перехода от проблематики истории культуры и интеллигенции к исследованиям социальной истории науки в ретроспективном формате начиная с раннесоветской эпохи. Приобретая в немалой степени поучительный опыт в ходе работы над «Хроникой», В.Л. Соскин предложил разработку социальной истории науки в двух взаимосвязанных направлениях – теоретико-методологическом и конкретно-историческом. Выше уже отмечалось, что поиски адаптации применения историками системного подхода к проблематике культурных процессов привели к концентрации усилий сотрудников сектора в понимании важности для них разработанной в социологии науки понятия науки как социального института.

Далее в течение пятилетия (1986–1991) сотрудниками сектора с привлечением к участию в разработке историко-научной проблематики ряда философов и социологов (М.П. Чемоданова, Е.В. Семенова, Н.Н. Семенова, Л.Ф. Лисса), а также молодых исследователей из числа аспирантов (Г.В. Шойдина, Н.П. Коробкова, Н.А. Куперштох, М.В. Кликушина и др.), был реализован проект комплексного изучения данной проблематики путем выпуска трех связанных между собой тематических сборников, посвященных развитию науки в Сибири²². Работа над ними проходила в условиях начавшихся в стране динамичных социально-политических изменений, фактически создавших обстановку для критического переосмысления постулатов отечественной исторической науки, и дала импульс более свободного и конструктивного обсуждения теоретико-методологических аспектов отечественной истории. Здесь как нельзя своевременными оказались совместные с обществоведами обсуждения проблем историко-научных исследований, поэтому на протяжении пятилетия между выходом изданий (1986–1991) происходил поиск новых ориентиров в данных тематических областях.

Своего рода поворотом историков сектора в поисках координат соприкосновения с другими дисциплинами стало создание сборника статей, посвященных изучению региональных проблем развития науки в Сибири, со структурированием в нем разделов по методологии, историографии и источниковедению²³. В первом, собственно концептуальном разделе сборника, помимо публикации статей философов и социологов (М.П. Чемоданов, Л.Ф. Лисс, Е.Д. Гражданников), помещена статья историков В.Л. Соскина и Е.Г. Водичева²⁴, ставшая «точкой отсчета» для обоснования перехода сотрудников сектора, изучавших историю науки

²² Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986; Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988; Кадры науки советской Сибири. Новосибирск, 1991.

²³ Развитие науки в Сибири... С. 207.

²⁴ Соскин В.Л., Водичев Е.Г. Методологические аспекты изучения науки как предмета гражданской истории // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986. С. 8–23.

в ее достаточно традиционном формате, на концептуальную основу социальной истории науки и освоения разработанного социологами таких основополагающих понятий, как «социальный институт науки», «научный потенциал» и др. Авторы учли необходимость перехода в своих исследованиях к учету междисциплинарности в понимании феномена науки в условиях динамичного развития науковедения в качестве междисциплинарной, внутри которой как ее ветвь формировалась история естествознания науки и техники. В публикации констатировалась ситуация, когда науковедение в своих основных проявлениях оказалось сосредоточено на выявлении факторов, обеспечивающих условия развития науки как системы знаний. В то же время очень четко проявила себя необходимость изучения факторов политического, экономического, социального характера, лежащих вне науки, но очевидно влияющих на динамику ее развития. Это послужило толчком для разработки социологами понятия «социальный институт науки» (СИН), позволяя более четко осуществить структурирование самой науки как особого вида деятельности и показать, как в процессе своего функционирования СИН происходит взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе осуществления научной деятельности.

Авторы указали на перспективность в соединении подходов социологии науки и гражданских историков (здесь необходимо дать пояснение употреблявшемуся в заглавии статьи и в самом ее тексте словосочетанию «гражданская история», поскольку таким образом представители последней дистанцировались от существовавшей в советской исторической науке историко-партийной дисциплины), справедливо отмечая, что здесь присутствует принцип их взаимодополнения: социологи нуждаются при изучении тех или иных социальных процессов и явлений в ретроспективных оценках, которые могут представить для них профессиональные историки. В свою очередь, социология науки дает в распоряжение историкам развитый научный инструментарий.

Авторы обозначили в данном случае важнейшую проблему, связанную с тем, что при включении историков в межпредметную (в данном случае социологическую) безусловно потребует своего рода переходного периода в исследованиях, связанного с операционализацией историками ключевых понятий, принятых в социологии науки. Соответственно, предстояло переосмыслить ключевое для историков понятие «научное строительство», употребляемое как составная часть «культурного строительства». В статье предлагался следующий вариант: приблизить содержательно прежнее понятие к общепринятому в социологии и науковедению понятию «организация науки», понимаемое как единство двух процессов – управленческого воздействия «внешних» институтов на СИН и реакции последнего на это воздействие. Результатом следовало считать формирование и динамику научного потенциала, структура которого получила детальную разработку социологами и включала в себя функциональное соединение четырех компонентов – организационно-управленческого, кадрового, материально-технического и информационного²⁵. Важно отметить, что данный посыл оказался подкреплен другой статьей в том же разделе сборника, представленной социологом науки и образования Л.Ф. Лиссом, где подробно проанализировано понятие «научный потенциал» с предложениями того, как адаптировать его для целей исторического изучения²⁶.

Здесь уместно некоторое отступление, связанное с пониманием того, какие стадии своего оформления проходили дисциплины, объектом изучения которых выступала наука в различных ее измерениях. Так происходило конституирование субдисциплин в рамках философии (философия науки), социологии (социология науки), истории (история науки) и т.д. В то же время уже в первой половине XX в. начались поиски соприкосновения и нахождения полей взаимодействия между выделявшимися субдисциплинами внутри социальных и гуманитарных наук в отношении феномена науки, которые привели в первом случае к появлению такой интегрирующей в себе ряд подходов в области исследования

²⁵ Соскин В.Л., Водичев Е.Г. Методологические аспекты изучения науки... С. 20.

²⁶ Лисс Л.Ф. Научный потенциал: проблемы системного историко-социологического анализа // Развитие науки в Сибири... С. 40–52.

науке (науковедение). В другом случае с 30-х гг. XX в. произошло формирование двух конкурирующих подходов к рассмотрению феномена науки: интерналистский, в рамках которого наука рассматривается прежде всего и в основном с точки зрения преобладания в ней источников внутреннего саморазвития, и экстерналистский, делающий основной акцент в исследованиях на влиянии внешних по отношению к самой науке факторов политического, экономического, социального, культурного и других вненаучных условий. Во второй половине XX в. происходило естественное взаимопроникновение указанных подходов, где сторонники примата в науке принципа ее саморазвития признавали определенное, а иногда в определенные периоды времени и значительное влияние на научные процессы экстерналистских факторов, оговариваясь, что они могут способствовать либо замедлению, либо ускорению динамики тех или иных областей науки. В свою очередь, сторонники примата действия последних на сферу науки признавали, что наука имеет значительный потенциал своего внутреннего автономного существования и вырабатывает механизмы и практики обеспечения преемственности для своего развития.

Одновременно с указанными выше тенденциями в применении различными дисциплинами инструментария к изучению феномену науки осуществлялась активная разработка двух фундаментальных универсальных подходов, оказавших влияние для исследования науки и как комплекса научных знаний, и с позиций науки как особого вида духовной деятельности, духовного производства. Прежде всего, со второй половины XX в. началось активное становление системного подхода в исследованиях как базового, общенаучного с возможностью его адаптации к любым сферам науки, в том числе и социально-гуманитарным, где значительную активность в его обосновании проявили философы. При системном подходе центральное значение уделялось рассмотрению любой организованной социальной деятельности как системы с позиций ее целостности, устойчивости, воспроизводства, наличия в ней подсистем различного уровня и т.д.

В свою очередь, разработки социологов были направлены на установление структурно-функциональных характеристик, присущих социальным системам (Т. Парсонс, Р.К. Мертон и др.), с выделением в качестве подхода к структурированию науки модели социального института (институциональный подход), фактически играющей роль теории среднего уровня, соединяя фундаментальный теоретический уровень исследования с конкретными исследованиями эмпирического характера. Преимуществом институционального подхода стало установление четкого структурирования научной деятельности на составляющие ее элементы в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Как уже отмечалось выше, для формировавшегося в секторе во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. направления, связанного с социальной историей науки, важное значение сыграли философы и социологи, принявшие участие в указанных тематических сборниках²⁷.

При некоторых оттенках в трактовках характеристик СИН помещенные в сборниках тексты обществоведов содержали важные для историков наблюдения, ориентировавшие их на более строгое операциональное следование в своих ретроспективных работах в изучении проблем организации и развития отечественной и региональной науки. Так, Л.Ф. Лисс выделял в структуре СИН два базовых уровня – индивидуально-групповой и организационно-учрежденческий, последовательно выделяя в каждом из них иерархические уровни (глобальный, страновой и региональный). Применительно к организационному механизму СИН автор выделял также в качестве базовых два механизма – неформальный и формальный, каждый из которых имел три обязательные характеристики (нормативно-ценностные, коммуникативные и организационные)²⁸.

²⁷ Лисс Л.Ф. Становление и структура социального института науки (историко-социологический подход) // *Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект.* Новосибирск, 1985. С. 8–41; Семенов Е.В. Структура и социальная организация науки // *Формы организации науки в Сибири...* С. 41–66; Лисс Л.Ф. Кадровая составляющая научного потенциала (методологические проблемы) // *Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории.* Новосибирск, 1991. С. 5–18.

²⁸ Лисс Л.Ф. Становление и структура... С. 35–38.

Е.В. Семенов в своей публикации обратил внимание историков на необходимость преодоления достаточно типичной для них практики «идти за источником», т.е. «историк обычно видит организацию науки так, как его “видит” документ», между тем «историк, изучающий формы организации науки, должен отучиться говорить на языке объекта, вырабатывать свою собственную понятийную систему»²⁹. Так, весьма важной следует считать высказанную им рекомендацию о требовании разделять в понятийном аппарате понятия первого слоя, такие как «наука», «структура науки», «научное производство» и др., и понятия второго слоя – «научная политика», «социальное управление наукой», «формы организации науки» и др.³⁰ Сам автор сжато характеризовал СИН через соединение в нем двух сторон – форм организации научного производства и форм управления им³¹.

Необходимо отметить, что переход руководимого В.Л. Соскиным коллектива сектора на тематику социальной истории науки, начавшийся с 1980-х гг., благодаря результативному взаимодействию с представителями социальных наук действительно позволил перевести историко-научные работы из традиционной для этого парадигмы на более высокий в теоретико-методологическом понимании уровень исследования, о чем свидетельствовали работы нового поколения молодых исследователей, аспирантов, подготовивших и защитивших кандидатские диссертации в последующие годы. Так, диссертационное исследование Н.П. Коробковой 1984 г. по проблемам истории высшего образования в Западносибирском регионе в послевоенное десятилетие, работы Е.Т. Артемова и Е.Г. Водичева по организационным аспектам и международным научным связям Сибирского отделения Академии наук, защищенные в 1985 г., уже содержали в себе изучение процессов в научно-образовательной сфере с использованием категориального аппарата и инструментария социально-философских и социологических дисциплин³². Впоследствии данное направление социально-исторических исследований учеников В.Л. Соскина в области науки пополнилось работами Г.В. Шойдиной об организации сельскохозяйственных научных исследований (1986), С.С. Малетина о взаимодействии институтов и СКБ СО АН с промышленным производством (1990), Н.А. Куперштох о динамике кадрового потенциала Сибирского отделения (1995), а также А.П. Воробьева о развитии регионального сибирского сегмента отраслевой науки (1991) и Л.А. Вишняковой о механизмах государственного управления развитием науки в Западной Сибири (1992), хронологически охватили период середины 1950-х – 1960-е гг.³³ Практически в каждой из перечисленных диссертаций научная исследовательская программа, категориальный аппарат и структура работ уже содержали в себе принципы, вытекавшие из ретроспективного подхода к анализу социального института науки. Тем самым вырабатывался и соответствующий новый для историков исследовательский язык.

Возвращаясь к месту и роли Варлена Львовича в данный период становления теоретико-методологического перехода в проблематике социальной истории науки, необходимо подчеркнуть, что нахождение на позиции лидера, безусловно, не сводилось только

²⁹ Семенов Е.В. Структура и социальная организация науки... С. 42–43.

³⁰ Там же. С. 43.

³¹ Там же. С. 62.

³² Коробкова Н.П. Развитие высшего образования в Западной Сибири в период 1945–1958 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984; Артемов Е.Т. Организация академической науки в Сибири (1957–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985; Водичев Е.Г. Роль Сибирского отделения Академии наук СССР в развитии научных связей советской науки (1957–1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985.

³³ Шойдина Г.В. Организация сельскохозяйственных научных исследований в Западной Сибири в 1965–1975 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986; Малетин С.С. Деятельность Сибирского отделения АН СССР по организации взаимодействия науки с производством (1971–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991; Куперштох Н.А. Научные кадры Сибирского отделения РАН: история формирования и развития (1957–1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995; Воробьев А.П. Развитие отраслевой науки в системе научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991; Вишнякова Л.А. Государственное управление развитием науки в Западной Сибири (середина 50-х – середина 60-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992.

к организационно-управленческим задачам в рамках исследований коллективом сектора в данной сфере, а также и аспирантов, выполнявших свои диссертационные работы под его научным руководством. В каждом из трех упомянутых выше сборниках трудов по истории региональной науки помещались его собственные публикации, где собственно и происходила апробация новых подходов на значительном эмпирическом материале. Не ставя задачей конкретный анализ его публикаций, отметим прежде всего, что в компетенции ученого центральное место всегда занимала проблематика эпохи войн и революций и последующий период после ее окончания, т.е. первое советское десятилетие (1917–1927).

В отличие от его учеников и последователей, изучавших более «спокойные» для динамики отечественной науки периоды, Варлен Львович исследовал наиболее драматический и экстремальный «узел» в истории страны, когда внутренние процессы научной жизнедеятельности находились в наиболее яркой и прямой зависимости от политических событий радикального характера. Основная задача состояла даже не столько в переходе на новый инструментарий, разработанный в социологии науки, сколько в переосмыслении прежней парадигмы советской историографии с его догматами в рассмотрении всех процессов в истории сквозь координаты классового подхода. В данном контексте примечательными следует считать две статьи В.Л. Соскина, помещенные в сборнике 1991 г. о динамике кадров науки в Сибири³⁴.

Указанные публикации связаны с собой не только в тематико-хронологическом плане, но и характерны переосмыслением взгляда на исторические процессы и научные, в том числе уже не с позиций традиционного марксистского формационного, а исходя из подхода, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Не отрицая влияния на социальный институт науки в изучавшийся период действия классово-политических факторов в прямой и непосредственной форме, автор считал, что наука является неотъемлемой частью цивилизационного развития. Следовательно, по его мнению, «определять участие ученых в том или ином виде в политических событиях периода по формуле “кто не с нами, тот против нас” представляется не только недостаточным, но и ошибочным, поскольку анализ сосредоточивается не на главных функциях интеллигенции <...> Создание позитивных ценностей как смысл основной деятельности научной интеллигенции – вот что прежде всего и главным образом определяет ее положительное место на дореволюционном этапе российской истории»³⁵. Данный вывод он распространил и на следующий период революции и гражданской войны, считая, что коренная ломка политических условий и смена нескольких государственных режимов на территории Сибири безусловно значительно деформировали, но не останавливали формы организации и характер научной деятельности, подтверждая тем самым наличие преемственности в сфере науки в переломные эпохи³⁶.

Безусловно, в данных публикациях В.Л. Соскин в большей степени только наметил контуры для дальнейших разработок базовой проблематики «интеллигенция и власть», поскольку последующие процессы и события во взаимоотношениях данной социально-профессиональной общности с партийно-государственными институтами уже в раннесоветский период приобрели разнонаправленный характер, весьма далекий от концепции цивилизационной преемственности в сфере науки. Начавшийся на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х гг. и продолжавшийся в течение первого постсоветского десятилетия процесс демократизации в раскрытии как для профессиональных историков, так и для других категорий общества некогда засекреченных фондов в государственных и ведомственных архивах, получивший наименование «архивной революции» (и это недалеко от истины, если считать, что такого рода процессы после фазы «взрывного» раскрытия переходят в свое затухание и перехода к возврату нынешней более жесткой регламентации государственными структурами в доступности для историков тех или иных комплексов документов исходя

³⁴ Соскин В.Л. Научная интеллигенция Сибири накануне революции // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск, 1991. С. 19–39; Соскин В.Л. Ученые Сибири в годы революции и гражданской войны // Кадры науки советской Сибири... С. 39–62.

³⁵ Соскин В.Л. Научная интеллигенция Сибири... С. 37–38.

³⁶ Соскин В.Л. Ученые Сибири... С. 53.

из собственных корпоративных интересов), создал условия для изучения ранее находившихся под запретом тем советской истории, в том числе таких, как дискриминации и репрессии в отношении различных слоев и групп общества, включая и ученых, и вузовских преподавателей.

В своей статье, вышедшей в 1994 г. и посвященной проблематике дискриминации ученых Сибири после завершения в регионе гражданской войны, Варлен Львович достаточно критично отозвался о прежней исследовательской традиции рассматривать политику партийного государства в отношении науки и ученых только в позитивной коннотации, признавая, что взаимоотношения власти с учеными, профессурой носили конфликтный характер, разрешавшийся в диапазоне от мягких, компромиссных до весьма жестких, директивных решений не в пользу интересов научной корпорации³⁷. В ней автор действительно пересматривает прежние оценки политики региональной власти в отношении фактического роспуска Института исследования Сибири, ликвидации историко-филологического факультета в Томском университете, мер по пресечению борьбы профессуры в начале 1920-х гг. за сохранение завоеванных в позднеимперский период демократических начал в высшей школе (право на принцип автономии) и т.д.

В данном случае, как представляется, у автора не проявлялся принцип подстраивания под изменившуюся в исторической науке обстановку, когда достаточно было осуществить простую оценочную переполюсовку для тех или иных событий и фактов. От своих прежних работ Варлен Львович не отказывался, признавая факт их написания в рамках существовавших в советской историографии догматов. Необходимость пересмотра собственных некогда данных оценок он справедливо объяснял тем, что у историков ныне появилась возможность освободиться от функции безоговорочной интерпретации директивных решений в сфере науки и подвергнуть анализу последствия принимавшихся институтами власти решений. Скажем, в упомянутой статье отмечается, что реорганизация в начале 1920-х гг. в Томском университете историко-филологического факультета в факультет общественных наук (ФОН), а затем и закрытие последнего в 1922 г. привела к тому, что далее на десятилетия здесь «пресеклась линия гуманитарных исследований»³⁸. В той же публикации Варлен Львович на имевшихся в его распоряжении эмпирических данных (документы и материалы делопроизводства краевых и региональных партийных органов Сибири) фактически наметил новую трактовку природы феномена так называемого спеедства, или антиинтеллигентских настроений, как ускорившуюся под влиянием Шахтинского процесса 1928 г. своего рода смычку/сцепление в данной фобии недоверия и подозрительности к специалистам «сверху» в практике деятельности партийных органов и «снизу» в восприятии народными низами неприязни к образованному слою³⁹.

В нашу нынешнюю задачу не входит оценка того главного наследия, которое Варлен Львович оставил в научно-образовательной сфере на завершающем периоде своей деятельности в виде очерков социальной истории отечественной культуры первого советского десятилетия (1917–1927), над созданием которого он трудился на протяжении всего постсоветского периода⁴⁰, поскольку книга получила исчерпывающую квалифицированную рецензию ряда ведущих историков культуры Сибири⁴¹. Отметим только, что в ней отдельная шестая глава посвящена проблематике истории высшего образования и науки. В итоговой ее части автором отмечалось, что в изучаемый период «было немало сделано и в структурном плане, и в организации исследовательского процесса, и в изменении направлений научного поиска, чтобы придать науке тот облик, который позволял называть ее “советской”. Что при этом

³⁷ Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири. Новосибирск, 1994. С. 61–96.

³⁸ Там же. С. 74.

³⁹ Там же. С. 89.

⁴⁰ Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.)...

⁴¹ См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Рецензия на книгу: Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004 // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 119–121.

отбрасывалось или даже уничтожалось, во внимание не принималось. Коммунистическое руководство в своем утилитарном отношении к культуре находилось в заблуждении насчет возможности ее элементарного рассеяния на “хорошие” (нужные) и “плохие” (ненужные) элементы. В то время первые видимые достижения скрывали внутренние пороки создаваемой системы. Это позволяло власти иметь поддержку, в том числе в среде интеллигенции»⁴². Данная автором достаточно определенная результирующая оценка политики партийной государственности в отношении научно-образовательной корпорации в ранне-советское десятилетие скорее всего контрастирует с современными оценками государственной политики того времени, делающими акцент на развитии и успехах в обозначенной сфере. Представляется, что здесь зафиксирована принципиальная авторская позиция включать в оценку итогов и последствий конкретного периода как еще незавершенного процесса не только перечень достижений и успехов, но и цену, куда входят утраты и потери, понесенные научно-образовательной корпорацией, унаследованной большевиками от поздней имперской эпохи.

Почти сорок лет, отделяющие первую монографическую работу Варлена Львовича (1965) от в значительной мере итоговой (2004), явились временем смены творческих состояний автора и его профессионального и организационного роста от начинавшего исследователя истории культуры эпохи войн и революций до научного лидера территориально расположенного в Сибири, но получившего российскую известность и признание направления в сфере историко-культурных исследований. Кратко отметим те условия, которые обусловили не только занятие им лидирующего положения в данной предметной области, но и, что оказывается не менее сложным, укрепление его. Прежде всего, речь идет о постоянном накоплении профессиональных знаний и опыта в целеполагании не на узкую специализацию в каком-либо сегменте культуры, а на изучение базовых оснований и характеристик социального существования и динамики культурных процессов и событий. Отсюда вытекало неизбежное соприкосновение культурной проблематики с другими предметными полями и апробирование новых, в том числе междисциплинарных подходов в ходе взаимодействия с представителями социальных наук (социальная философия, науковедение, социология, прежде всего). Варлен Львович находился в постоянном экспериментальном поиске адаптаций к историко-культурным исследованиям инструментария и понятийного аппарата системного метода, социологических разработок в области социального института науки, структурно-функционального анализа и т.д. Отмеченное выше могло завершиться стадией экспериментов без значимых научных результатов, что не редкость в исследовательской практике.

Однако для него сложились благоприятные возможности подготовки научных кадров и формирования коллектива учеников благодаря преподаванию на историческом отделении гуманитарного факультета Новосибирского университета и открытию аспирантуры в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук. С 1970 г. под его началом сформировался «молодежный» состав исследователей, с которыми уже должно было ставить и разрабатывать комплексные проблемы в сфере истории культуры и интеллигенции. Здесь проявилась именно та черта Варлена Львовича как наставника, которая позволяла ему, фактически оставаясь лидером, организатором и координатором исследований, осуществлять творческое восхождение к новым проблемным областям совместно с учениками, реализуя важнейшую роль преемственности поколений в науке и образовании.

В свое время сам Варлен Львович оставил как своего рода напутствие другому поколению социальных историков культуры следующую фразу: «Российской культуре, включая ее советскую ипостась, присуща поразительная живучесть»⁴³. В этой кажущейся на первый взгляд парадоксальной мысли, как представляется, присутствует глубокий смысл того, что в феномене культуры, помимо присутствия таких базовых характеристик, как динамика, преемственность и др., заложено еще и неотъемлемое свойство сопротивления культуры

⁴² Соскин В.Л. Российская советская культура... С. 316.

⁴³ Там же. С. 109.

навязанным извне и противоестественным ее природе директивным установкам. Тем более что одной из аксиом, часто повторявшейся Варленом Львовичем в его образовательной и научной деятельности, выступало требование не отождествлять, а разделять хотя и взаимосвязанные, но нетождественные понятия «советская культура» и «культура советского общества».

Литература

Академия наук и Сибирь / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. 320 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав / предисл. В.Л. Макарова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 120 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника / сост. В.Л. Соскин и др. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 336 с.

Артемов Е.Т. Организация академической науки в Сибири (1957–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 19 с.

Вишнякова Л.А. Государственное управление развитием науки в Западной Сибири (середина 50-х – середина 60-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. 21 с.

Водичев Е.Г. Роль Сибирского отделения Академии наук СССР в развитии научных связей советской науки (1957–1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 18 с.

Воробьев А.П. Развитие отраслевой науки в системе научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. 19 с.

Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.) / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1980. 368 с.

Главацкий М.Е., Кондрашева М.И. К характеристике сибирской научной школы в области истории культуры и интеллигенции // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 214–218.

Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.): сб. науч. тр. / ред. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина. Новосибирск: ПТСиС, 1994. 210 с.

Изучение истории культуры как системы: сб. науч. трудов / отв. ред. А.Н. Кочергин. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии, 1983. 79 с.

Историография культуры и интеллигенции советской Сибири / ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 352 с.

Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории / ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 220 с.

Коробкова Н.П. Развитие высшего образования в Западной Сибири в период 1945–1958 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 18 с.

Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2000. 234 с.

Куперштох Н.А. Научные кадры Сибирского отделения РАН: история формирования и развития (1957–1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 24 с.

Лисс Л.Ф. Научный потенциал: проблемы системного историко-социологического анализа // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. С. 40–52.

Лисс Л.Ф. Кадровая составляющая научного потенциала (методологические проблемы) // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 5–18.

Лисс Л.Ф. Становление и структура социального института науки (историко-социологический подход) // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. С. 8–41.

Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Аблажей. Новосибирск: НГУ, 2010. 271 с.

Малетин С.С. Деятельность Сибирского отделения АН СССР по организации взаимодействия науки с производством (1971–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. 20 с.

Матвеев Г.А. Памятное (к 85-летию В.Л. Соскина) // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В. Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 3–11.

Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 207 с.

Российская Академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / сост. Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Российская Академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев, Г.М. Запарожченко, О.Н. Калинина и др. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Современный историк в состоянии поиска (к творческому портрету В.Л. Соскина) // Гуманитарное знание: Ежегодник ОмГПУ. Сер.: Преемственность. Омск, 1999. Вып. 3. С. 315–325.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Рецензия на книгу: Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004 // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 119–121.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция Мастера // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 12–28.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Корзун В.П. К 75-летию В.Л. Соскина // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 93–97.

Семенов Е.В. Структура и социальная организация науки // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. С. 41–66.

Системный подход в изучении социалистической культуры: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Н. Кочергин. Новосибирск: ИИФИФ, 1985. 151 с.

Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1965. 281 с.

Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921–1923 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1971. 350 с.

Соскин В.Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1973. 108 с.

Соскин В.Л. Научная интеллигенция Сибири накануне революции // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 19–39.

Соскин В.Л. Ученые Сибири в годы революции и гражданской войны // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 39–62.

Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). Новосибирск, 1994. С. 61–96.

Соскин В.Л. Конформизм интеллигенции: вина, беда или необходимость? // Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: мат-лы круглого стола. Екатеринбург, 1999. С. 28–30.

Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 455 с.

Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерки истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2008. 188 с.

Соскин В.Л. «Я ведь мог быть кем-то другим»: из бесед с почетным профессором НГУ Варленом Львовичем Соскиным (февраль – апрель 2017 г.) // ГУМФАКиЯ 60–70-х годов XX века: воспоминания учителей и выпускников. Новосибирск: Манускрипт, 2022. С. 49–50.

Соскин В.Л., Водичев Е.Г. Методологические аспекты изучения науки как предмета гражданской истории // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. С. 8–23.

Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М.: Мысль, 1965. 255 с.

Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 472 с.

Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект / ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 223 с.

Хлыстов Е.А. Проблемы революции и интеллигенции в научном творчестве проф. В.Л. Соскина // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 218–221.

Школа и учительство Сибири. 20-е – начало 30-х годов / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 196 с.

Шойдина Г.В. Организация сельскохозяйственных научных исследований в Западной Сибири в 1965–1975 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 21 с.

References

Ablazhey, N.N. (Ed.). (2010). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina. Sbornik nauchnykh statey* [Personality. Culture. Society. On the 85th Anniversary of Professor V.L. Soskin. Collection of Scientific Articles]. Novosibirsk, NGU. 271 p.

Artemov, E.T. (1985). *Organizatsiya akademicheskoy nauki v Sibiri (1957–1980 gg.)* [The Organization of Academic Science in Siberia (1957–1980)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 19 p.

Fedyukin, S.A. (1965). *Sovetskaya vlast' i burzhuaznye spetsialisty* [The Soviet Government and Bourgeois Specialists]. Moscow, Mysl'. 255 p.

Fedyukin, S.A. (1972). *Velikiy Oktyabr' i intelligentsiya. Iz istorii vovlecheniya staroy intelligentsii v stroitel'stvo sotsializma* [Great October and the Intelligentsia. From the History of the Involvement of the Old Intelligentsia in the Construction of Socialism]. Moscow, Nauka. 472 p.

Glavatskiy, M.E., Kondrasheva, M.I. (2000). K kharakteristike sibirskoy nauchnoy shkoly v oblasti istorii kul'tury i intelligentsii [On the Characteristics of the Siberian Scientific School in the Field of Cultural History and Intelligentsia]. In *Kul'tura i intelligentsiya sibirskoy provintsii v XX veke: teoriya, istoriya, praktika: materialy regional'noy nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk, pp. 214–218.

Kalinina, O.N., Vodichev, E.G., Zaparozhchenko, G.M. (Comp.). (2007). *Rossiyskaya Akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal'nyy sostav* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personal Staff]. Novosibirsk, Nauka. 603 p.

Khlystov, E.A. (2010). Problemy revolyutsii i intelligentsii v nauchnom tvorchestve professora V.L. Soskina [Problems of the Revolution and the Intelligentsia in the Scientific Work of Professor V.L. Soskin]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, NGU, pp. 218–221.

Kochergin, A.N. (Ed.). (1983). *Izuchenie istorii kul'tury kak sistemy: sbornik nauchnykh trudov* [The Study of the History of Culture as a System: Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, Institut istorii, filologii i filosofii. 79 p.

Kochergin, A.N. (Ed.). (1985). *Sistemnyy podhod v izuchenii sotsialisticheskoy kul'tury: sbornik nauchnykh trudov* [A Systematic Approach in the Study of Socialist Culture: Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, IIFIF. 151 p.

Korobkova, N.P. (1984). *Razvitie vysshego obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v period 1945–1958 gg.* [The Development of Higher Education in Western Siberia in the Period 1945–1958], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 18 p.

Krasil'nikov S.A. (Ed.). (2000). *Kul'tura i intelligentsiya sibirskoy provintsii v XX veke: teoriya, istoriya, praktika. Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii* [Culture and Intelligentsia

of the Siberian Province in the 20th Century: Theory, History, Practice. Materials of the Regional Scientific Conference]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 234 p.

Krasil'nikov, S.A., Lamin, V.A., Vodichev, E.G. (Comp.). (2007). *Rossiyskaya Akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskiy ocherk* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: A Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

Krasil'nikov, S.A., Pystina, L.I. (Eds.). (1994). *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevoluytsionnoy Sibiri (1920–1930 gg.): sbornik nauchnykh trudov* [Discrimination of the Intelligentsia in Post-Revolutionary Siberia (1920–1930): Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, PTSiS. 210 p.

Kupershtoh, N.A. (1995). *Nauchnye kadry Sibirskogo otdeleniya RAN: istoriya formirovaniya i razvitiya (1957–1970 gg.)* [Scientific Personnel of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: The History of Formation and Development (1957–1970)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 24 p.

Liss, L.F. (1985). Stanovlenie i struktura sotsial'nogo instituta nauki (istoriko-sotsiologicheskiy podkhod) [Formation and Structure of the Social Institute of Science (Historical and Sociological Approach)]. In *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspekt*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 8–41.

Liss, L.F. (1986). Nauchnyy potentsial: problemy sistemnogo istoriko-sotsiologicheskogo analiza [Scientific Potential: Problems of Systemic Historical and Sociological Analysis]. In *Razvitie nauki v Sibiri: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 40–52.

Liss, L.F. (1991). Kadrovaya sostavlyayushchaya nauchnogo potentsiala (metodologicheskie problemy) [Personnel Component of Scientific Potential (Methodological Problems)]. In *Kadry nauki sovetsoy Sibiri: Problemy istorii*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 5–18.

Makarov, V.L. (Preface). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otdelenie. Personal'nyy sostav* [Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. Personal Staff]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 120 p.

Maletin, S.S. (1991). Deyatel'nost' Sibirskogo otdeleniya AN SSSR po organizatsii vzaimodeystviya nauki s proizvodstvom (1971–1980 gg.) [Activity of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences on the Organization of Interaction between Science and Production (1971–1980)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 20 p.

Matveev, G.A. (2010). Pamyatnoe (k 85-letiyu V.L. Soskina) [Memorable (To the 85th Anniversary of V.L. Soskin)]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, pp. 3–11.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1977). *Akademiya nauk i Sibir'* [Academy of Sciences in Siberia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 320 p.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (1999). Sovremennyy istorik v sostoyanii poiska (k tvorcheskomu portretu V.L. Soskina) [A Modern Historian in a State of Search (To the Creative Portrait of V.L. Soskin)]. In *Gumanitarnoe znanie: Ezhegodnik OmGPU. Seriya: Preemstvennost'*. Omsk. Vol. 3, pp. 315–325.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (2006). Retseziya na knigu: Soskin V.L. Rossiyskaya sovetsoy kul'tura (1917–1927 gg.): Ocherki sotsial'noy istorii. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, 2004 [Book Review: Soskin V.L. Russian Soviet Culture (1917–1927): Essays on Social History. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2004]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 119–121.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (2010). Istorik sovetsoy kul'tury v sovremennom prostranstve intellektual'nykh dialogov: vybor i pozitsiya Mastera [The Historian of Soviet Culture in the Modern Space of Intellectual Dialogues: The Choice and Position of the Master]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, pp. 12–28.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh., Korzun, V.P. (2000). K 75-letiyu V.L. Soskina [To the 75th Anniversary of V.L. Soskin]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 93–97.

Semenov, E.V. (1988). *Struktura i sotsial'naya organizatsiya nauki* [Structure and Social Organization of Science]. In *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspekt*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 41–66.

Skhoydina, G.V. (1986). *Organizatsiya sel'skokhozyaystvennykh nauchnykh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri v 1965–1975 gg.* [Organization of Agricultural Scientific Research in Western Siberia in 1965–1975], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 21 p.

Soskin, V.L. (1965). *Ocherki istorii kul'tury Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny (konets 1917 – nachalo 1921 gg.)* [Essays on the Cultural History of Siberia during the Revolution and the Civil War (Late 1917 – Early 1921)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 281 p.

Soskin, V.L. (1971). *Kul'turnaya zhizn' Sibiri v pervye gody NEPa (1921–1923 gg.)* [The Cultural Life of Siberia in the Early Years of the NEP (1921–1923)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 350 p.

Soskin, V.L. (1973). *Lenin, revolyutsiya, intelligentsiya* [Lenin, the Revolution, the Intelligentsia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 108 p.

Soskin, V.L. (1991). *Nauchnaya intelligentsiya Sibiri nakanune revolyutsii* [The Scientific Intelligentsia of Siberia on the Eve of the Revolution]. In *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: Problemy istorii*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 19–39.

Soskin, V.L. (1991). *Uchenye Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [Scientists of Siberia during the Revolution and the Civil War]. In *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: Problemy istorii*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 39–62.

Soskin, V.L. (1994). *Uchenye Sibiri v fokuse diskriminatsii (20-e gg.)* [Siberian Scientists in the Focus of Discrimination (1920s)]. In *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevolucionnoy Sibiri (1920–1930 gg.)*. Novosibirsk, pp. 61–96.

Soskin, V.L. (1999). *Konformizm intelligentsii: vina, beda ili neobhodimost?* [Conformism of the Intelligentsia: Guilt, Trouble or Necessity?]. In *Intelligentsiya Rossii v XX veke i problema vybora: materialy kruglogo stola*. Yekaterinburg, pp. 28–30.

Soskin, V.L. (2004). *Rossiyskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927 gg.): Ocherki sotsial'noy istorii* [Russian Soviet Culture (1917–1927): Essays on Social History]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 455 p.

Soskin, V.L. (2008). *Novosibirskiy nauchnyy tsentr: issledovaniya po noveyshey otechestvennoy istorii. Ocherki istorii i istoriografii. Uchebnoe posobie* [Novosibirsk Scientific Center: Research on Modern Russian History. Essays on History and Historiography. Study Guide]. Novosibirsk, NGU. 188 p.

Soskin, V.L. (2022). “Ya ved' mog byt' kem-to drugim”: iz besed s pochetnym professorom NGU Varlenom L'vovichem Soskinym (fevral' – april' 2017 g.) [“I Could Have Been Someone Else”: From Conversations with Honorary Professor of NSU Varlen Lvovich Soskin (February – April 2017)]. In *GUMFAKiYA 60–70-kh godov XX veka: vospominaniya uchiteley i vypusknikov*. Novosibirsk, Manuscript, pp. 49–50.

Soskin, V.L. (Comp.). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otdelenie. Khronika* [Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. The Chronicle]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 336 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1978). *Istoriografiya kul'tury i intelligentsii sovetskoy Sibiri* [Historiography of Culture and Intelligentsia of Soviet Siberia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 352 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1980). *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1917–1941 gg.)* [Higher School and Scientific and Pedagogical Personnel of Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 368 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1986). *Razvitie nauki v Sibiri: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie* [The Development of Science in Siberia: Methodology, Historiography, Source Studies]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 207 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1991). *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: Problemy istorii* [Cadres of Science in Soviet Siberia: Problems of History]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 220 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1978). *Shkola i uchitel'stvo Sibiri. 20-e – nachalo 30-kh godov* [School and Teaching in Siberia. 20s – Early 30s]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 196 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1988). *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspekt* [Forms of Organization of Science in Siberia. The Historical Aspect]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 223 p.

Soskin, V.L., Vodichev, E.G. (1986). Metodologicheskie aspekty izucheniya nauki kak predmeta grazhdanskoy istorii [Methodological Aspects of the Study of Science as a Subject of Civil History]. In *Razvitie nauki v Sibiri: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 8–23.

Vishnyakova, L.A. (1992). *Gosudarstvennoe upravlenie razvitiem nauki v Zapadnoy Sibiri (seredina 50-kh – seredina 60-kh gg.)* [State Management of the Development of Science in Western Siberia (Mid. 1950s – Mid. 1960s)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 21 p.

Vodichev, E.G. (1985). *Rol' Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR v razvitiit nauchnykh svyazey sovetskoy nauki (1957–1980-e gg.)* [The Role of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the Development of Scientific Relations of Soviet Science (1957–1980)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 18 p.

Vorob'ev, A.P. (1991). *Razvitie otraslevoy nauki v sisteme nauchnogo potentsiala Sibiri (seredina 50-kh – 60-e gg.)* [Development of Branch Science in the System of Scientific Potential of Siberia (Mid. 1950s – 1960s)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 19 p.